

АЛЕКСАНДР ПИНАЕВ

НЕДЯНА

АЛЕКСАНДР ПИНАЕВ

Недзяна

СПИЖИ, ПОЭМЫ

**КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

1973

ПИНАЕВ

Александр Ефимович

НЕЛЯНА

СТИХИ И ПОЭМЫ

Редактор Л. В. Глебова
Художник Г. А. Ефремов

Художественный редактор

Г. И. Кравцов

Технический редактор

Г. В. Адова

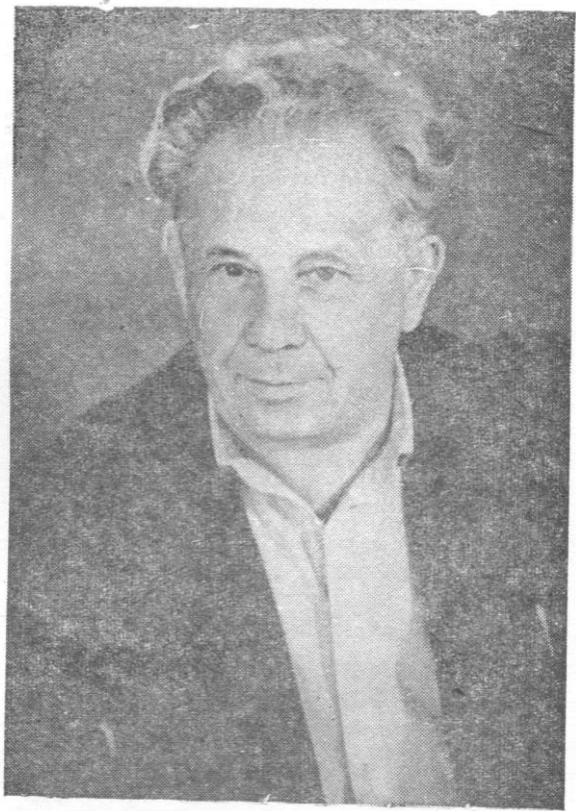
Корректор Т. Е. Трусова

Сдано в набор 8.XII.1972 г. Подписано к печати 7.V.1973 г. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 2 Усл. п. л. 4,1 Уч.-изд. л. 3,96 Тираж 10 000 ОП00587 Заказ 62

Цена 41 коп.

Кемеровское книжное издательство
Кемерово, Ноградская, 5
Полиграфическое объединение «Томь»
Кемерово, Ноградская, 5

СТРОИТЕЛЬ И ПОЭТ

Идея — это знамя, и его не нужно прятать от глаз. Его нужно высоко поднять и так нести, чтобы все люди видели и шли за ним.

Р. Гамзатов «Мой Дагестан»

Александр Пинаев известен кузбасскому читателю давно: первый сборник его стихов «Встречи» вышел в Кемерове восемнадцать лет назад, в 1955 году. Затем были изданы книги «Синегорье» (1964), «Первоистоки» (1968). Не так уж много написано и опубликовано Пинаевым, хотя его «поэтический стаж» насчитывает не двадцать, а пятьдесят лет. Полвека назад, в тревожное и горячее время гражданской войны и установления Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, тринадцатилетним парнишкой выступил Саша Пинаев с чтением своих стихов в благовещенском городском «Живом журнале», организованном революционным Поармом 5.

Малолетний автор считал себя в первых рядах борцов за революцию, да и не только он сам: вскоре он был принят в существовавший тогда «Союз писателей Амурской области». Вспоминал эти годы, Александр Пинаев писал: «То обстоятельство, что член Союза того, щеголял босиком, в засученных штанах, в кармане которых находилась рогатка, не смущало руководителя Союза, армейского работника в возрасте девятнадцати-двадцати лет: очень бережно и любовно относились тогда люди, не выходявшие из революционных боев, к любому проявлению таланта».

С юности связал себя А. Пинаев с печатью, с искусством слова, работал сначала в стенной газете: «кажется, бессменно лет тридцать пять я — стенгазетчик», а впоследствии стал печататься и

в «больших» газетах: томском «Красном знамени», краевом «Красноярском рабочем», новосибирской «Смене». Это были, в основном, стихотворные фельетоны.

Жизнь молодежи в те бурные годы была захватывающе напряженной: повседневное участие в самых, казалось бы, будничных делах окрашивалось романтизмом свершающихся революционных перемен, нужно было многое начинать во всех областях жизни, нужно было строить, искать, учиться, учить других. Сын своего времени, Александр Пинаев жадно работал, какая бы ни была работа — старатель, грузчик, активно участвовал в общественной жизни — рабкор, стенгазетчик, работник окружкома, председатель областной контрольной комиссии ВЛКСМ в Якутске, а потом, когда стране понадобились специалисты большой квалификации, закончил сначала рабфак, затем учился в Томском технологическом институте.

Страна обучала новые молодые кадры — А. Пинаев работал в Кемеровском филиале института повышения квалификации инженерно-технических работников. Страна строила социалистическую индустрию — Пинаев свыше двадцати лет проработал в строительных организациях Новокузнецка. Страна развивала науку — последние годы А. Пинаев работал в одном из научно-исследовательских институтов г. Новокузнецка.

Жизнь поколения, к которому принадлежит Александр Пинаев, была заполнена до предела:

«Мое поколение начало труд свой еще до первых пятилеток. Оно пережило двойную юность. Его юность совпала с юностью революции. Это редчайше счастливое поколение. От лопаты и железного лома — к строительству Магнитки, Днепро-доя, Кузнецкстроя, Турксиба и к Ангаре, Енисею. От шурфа — к таким громадинам. От сохи и косы — к эскадрам комбайнов. От ликбеза и рабфака — к технической рационализации, к науке. Что же особенного в том, что многие из ровесников моих жадно тянулись и к искусству? При всей переполненности жизни нужна была им еще большая ее полнота».

Александр Пинаев очень точно, в немногих словах, сказал о себе и своем поколении. Именно необходимость участвовать в повседневном строительстве страны разбудила его поэтическое чувство и заставила взяться за перо, проверяя написанное содержательностью и значительностью происходящих в жизни перемен.

Но это непосредственное участие в строительстве первых пятилеток почти на двадцать лет оторвало его от полной отдачи поэтическому творчеству.

Всю жизнь Александр Пинаев связал с Сибирью, став ее строителем и певцом. Красоте ее природы, могучей и ласковой, природе — источнику духовной и физической красоты человека — посвятил он лучшие из своих произведений. Недаром он пишет о себе:

Не проезжий и не прохожий —
Я тайге с детских лет родной,
Нес в себе я всю жизнь, быть может,
Каплю силы ее взрывной.
Не сумею стихом и словом
Рассказать и раскрыть точь-в-точь,
Что услышу в бору кедровом
Я в сентябрьскую эту ночь.
Но в душе унесу такое,
Что умеет без слов сказать,
Чуть коснувшись тебя рукою,
Все понявшая сердцем мать.

Поэт Александр Пинаев активно борется за свои идеалы, отрицая то, что мешает нам жить, и утверждая подлинно гуманное отношение к человеку и к природе. Его муза пристрастна, гражданственна. Поэтическая и политическая позиции автора всегда четки и определены, не терпят никакой расплывчатости или двусмысленности. Поэт ведет с читателем неторопливый обстоятельный разговор, поэтому так просты интонации его стихов, так естественна и непринужденна поэтическая речь. Она внешне как бы спокойна, но таит в себе большой эмоциональный заряд внутренней напряженности. Так, обращаясь к рове-

сникам, поэт говорит: «Давно мы шлемы сняли и хромовый кожан и неохотно сдали винтовку и наган, и паспорта с пропиской во всех краях страны в архиве паспортисткой бесстрастно сожжены. И выдан нам бессрочный на весь остатный путь. Большой иль укороченный? Ответ предельно точный придет когда-нибудь».

Герои стихов и поэм Александра Пинаева — ровесники его, сверстники, с кем вместе пришлось копать землю, мерзнуть в землянках, строить новую жизнь,—комсомольцы, лесорубы, приискатели, копачи. Таковы герои и героини его поэм «Костер», «Мать Анна», «Горнисты», «Преодоление»,— в них мы знакомимся с людьми цельными, целеустремленными, честными и чистыми. В короткой поэме «Мать Анна» мы видим трудную, сложную судьбу русской женщины. Грустен, трагичен ее рассказ о потерянных муже и сыне. Простое бесхитростное изложение ее рассказа подчеркивает, усиливает трагичность ее судьбы. «Мировые потрясения» коснулись и ее двора. А какой чистый, светлый народный образ женщины-матери встает со страниц поэмы!

Интересна и небольшая поэма «Костер». Мы знакомимся с одной судьбой — судьбой Варвары Кузьминой. Но в ней как в капле воды отражена судьба миллионов простых людей нашей страны. Закljučают сборник фрагменты из новой большой поэмы А. Пинаева «Преодоление». Это широкое полотно жизни, раздумья о времени, о себе, о современниках, о судьбах народа. В ней как бы суммированы все впечатления долгой и деятельной жизни. Оглядывая пройденный путь, строитель и поэт Александр Пинаев с удовлетворением может сказать, что жизнь прожита не зря, что сделано очень много. И как напутствие звучат его слова к новым, молодым поколениям строителей Сибири:

В счастливый путь, друзья-сибиряки —
Из Преднепровья, с берегов Оки!
За Ангару, за корпуса Запсиба,
За ту Сибирь, какой ей быть,— спасибо.

Л. ГЛЕБОВА

**«Вступают в жизнь
гористые края...»**

* * *

Шагаю травами густыми.
Росой усыпана земля.
Не от росы ли твое имя,
Россия, родина моя?
Все от тебя, безмерно щедрой:
И снеговые гряды гор,
И смоляная терпкость кедра,
И тишина лесных озер,
И то веселое радушье,
С которым встречный на тропе
Расскажет, как таежной глушью
Пройти сподручнее тебе.
Иду к закатам и к рассветам,
Иду в росе твоих дорог
И, если б мог я сделать это,—
Твой каждый шаг, твой каждый вздох
Я облегчил бы и сберег.

ИЮЛЬ

В высоченной траве потерял журавлят
И летает, тревожно курлыкая,
А под ним, журавлем, озерки, пережат
Беспокойной речонки Нарыка.
Почему — я не знаю, но так повелось,
Что журавль и печаль нераздельны,
Вот и я присмирел, понимая, что гость
Я в таежных краях двухнедельный.
И — опять на асфальт!

Отдал городу жизнь,
А натурой не горожанин.
Журавлем бы подняться в июльскую высь,
Оглядеть бы все то, чем я ранен.
Но не горько, а радостно. Так говорят
Полюбив, привязавшись до боли.
Рад до боли тому, что кипит пережат,
И лодчонке моей на приколе,
Тальникам, и туманам, и каплям росы,
Белым тучкам, плывущим с Алтая.
Я неделю уже не смотрю на часы,
Ни секунд, ни минут не считая.
Сколько раз собирался поехать на юг.
И врачи посылали на взморье.
Соберусь. Укреплюсь. Но припомнится вдруг,
Как шумят пихтачи в Синегорье,

Но увидится вдруг беспокойный Нарык,
Всплески хариусов на Камзасе.
И — садисься чинить и латать дождевик,
Собираешь рыбацкие снасти,
И — опять не на юг!
И опять только здесь.
Никаких ни Анап, ни Цхалтубо.
Измотаюсь я там!
Истоскуюсь я весь!
Родила меня мать однолюбом!

НЕЛЯНА

Когда расцветает Алтай,
С утра по росистым полянам
Идет богатырь Сагатай.
Он ищет невесту Неляну.
Обидел ее Сагатай.
Сказала печально Неляна:
— Найди, богатырь, угадай!
Цветком на Алтае я стану.
Идет Сагатай по горам,
К поляне идет от поляны,
Склоняется к ярким цветам,
Но все не находит Неляны.
Напьется воды из ручья
И ищет любимую снова,
И каждый цветок отвечает:
— Не я!
Я жду не тебя, а другого.
И молит тайгу Сагатай:
— Ответь, подскажи, где Неляна!
— Ты сам, богатырь, угадай!
Иди по росе и туману,
Иди, богатырь, на Каным,
Ищи на Терси, на Камзасе
И, если ты ею любим,
Найдешь, богатырь, свое счастье.

Неяна поймет и простит,—
Сказала тайга Сагатаю.

...Алтай весь цветами покрыт,
Так сколько ж любви на Алтае!

С отрога иду на отрог,
К поляне иду от поляны,
И кажется каждый цветок,
Мне, как Сагатаю, Неяной.

РЕЧКА АННА

В заезжем доме, под газетой,
Лежат забытых два листка
Из дневника — по всем приметам —
Топографа-полевика.
Я прочитал странички эти
И в свой блокнот переписал.
«...Сегодня вышли на рассвете.
К полудню взяли перевал.
По стланику прошли в долину.
Октябрь, октябрь, и между скал
По всей реке несутся льдины.
Беда: ни взад и ни вперед!
Лезть в воду страшно. Тем не мене —
Полез. Для бодрости пою:
«Я помню чудное мгновенье»,
Себе застынуть не даю.
Мне вслед пошли Олег с Николой,
Орут среди сплошного льда:
«Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда».
На берег выбрались, согрелись —
Бегом двухсотметровый кросс —
Затем, НЗ открыть осмелюсь,
Доставали пачку папирос.

Затем для речки безымянной
Искали имя. Вспомнив брод,
Назвать решили речку «Анной»
В честь Анны Керн...
...Снежок идет»...

Э * *

Вступают в жизнь гористые края.
Июль. Жара. На присмиривших пихтах
Желтеет раскаленная хвоя,
Коробится и опадает тихо.
Валун гранитный врезался ребром
В сухую землю, смял корявый корень.
Еще немного — и тяжелый гром
Взорвется над таежным крутогорьем.
Бульдозеры и гулкий ЧТЗ,
Рискуя опрокинуться на круче,
Вплотную подбираются к грозе,
К набухшей ливнем темно-синей туче.
Таран грозы!
Там, за хребтом, руда.
Нам до морозов к ней пробиться надо.
Слетает молний яркая орда,
И гром, и ливень вперемежку с градом.
Сто водопадов ринулись в лога.
Кюветы глиной до краев замыло.
Прораб сердит:
— Опять «дает» тайга!
И восхищен грозой:
— Какая сила!

Неплана

г. Тайга
БИБЛИОТЕКА

Ж. Д. техникума 17

№ 93876

В ЛЕСОСЕКЕ

Идет-гудет зеленый шум.

Н. Некрасов

Как время все здесь изменило!
Мне край знаком и незнаком.
Лощины все заполонило
И склоны гор березняком.
Порой негаданно-нежданно
Среди тайги остановлюсь,
Тверскую встретив здесь поляну
И левитановскую Русь
С ее беззвучным листопадом.
Я в отпуске. Брожу с утра,
И, словно тень, со мною рядом
Идет далекая пора.
О ней давно все песни спеты.
Забывлось, стало стариной,
Как проходил бродяга где-то
Глухой таежной стороной.
Любуюсь тихим листопадом.
Но чуть потянет ветерок —
Шумит сосняк саянский рядом.
Снег на хребты еще не лег,
А по утрам уже морозит.
Идешь, а под ногами хруст.

...Невдалеке урчит бульдозер,
Торит лесной дороги ус.
И тотчас кто-то свистнул лихо,
И эхо свистнуло в ответ,—
То боевая повариха
Людей сзывает на обед.
— Давай сюда! Скорей, ребята!
Бегут ребята по горе.
Бегут, кричат:
— Чем кормишь, Ната?
— Борщ украинский и пюре.
Один, плечистый, круглолицый,
Он в гимнастерке, налегке.
Артиллерийские петлицы
Темнеют на воротнике.
Он говорит:
— Мы, белорусы,
Работать можем как часы!
Тайга была у вас безусой,
Мы ей приделаем усы!
Я,— говорит,— болею с детства.
Мне от врачей подмоги нет.
Одно-единственное средство,
Одно спасение — обед.
С таким нигде не будет скуки!
Наташа просит:
— По добру
Предупреждаю: мойте руки!
Не то тарелки отберу!
Грозит, а голосок певучий
И вместо «а» повсюду — «о».
С какой такой валдайской кручи
Ты принесла сюда его?
В последний раз прижалась кроной
Сосна к родной своей земле,

И чистый сок слезой соленой
Застыл на розовом комле.
Отговорила... откачалась.
Курится пар над свежим пнем.
Давай вздохнем, о ней печалься,
Давай вздохнем и — лишь вздохнем.
Что тут поделаешь? Так нужно!
На миг настала тишина.
И вновь сверчком стрекочет «Дружба»,
Вновь с гулом падает сосна.
А вместе с ней гнездо сорочье —
Не тоньше пальца каждый прут.
Веселый чекерист хохочет:
— Подаст на нас сорока в суд!
...Идет с ведром по тропке Ната,
Тиха, задумчива она,
В лог, где волнушки и маслята,
А там их нынче дополна.
А я с собой не совладаю!
Я весь ушел в весенний гул.
И «Колокольчик, дар Валдая»
Звенит, звенит в грибном логу.

* * *

Люблю костры с полынным дымом
И вас, таежные костры.
В душе моей неразделимы
Тайга и степь, как две сестры.
К тайге иду я в те минуты,
Когда на радость жизнь скупа.
Там, в междугорье, вьется круто
Травой заросшая тропа.
Там к снеговому перевалу
Другой пройти когда-то смог.
И я иду.

И легче стало.

А вязь проселочных дорог,
Пшеничный колос, гроздь рябины —
Для той строки, что вся светла.
Ведь от нее, степной равнины,
Русь задушевная пошла.

* * *

Наделяю нашим, человеческим,
Ласточек, уставших от труда,
Отдохнуть присевших летним вечером,
В предзакатный час на провода.
Мне холодной правды не хватает,
Объяснять инстинктом не хочу
Перелеты журавлиной стаи
С побережья Ганга к пихтачу.
К огонькам, что на Каньме рдеют,
Атеист, отвергнувший богов,
Я владыке леса — Берендею,
Поклониться радостно готов.
Не как богу, выгибая спину,—
Как поэту! Потому что он,
Как и мы, в цветущую рябину,
В снегирей был и в кипрей влюблен,
И в тропинку, пахнущую мятой.
Я, неправде веря, виноват.
Но со мной тальник у переката
Говорил всю жизнь мою как брат.

* * *

У меня появились соседи.
На кофейного цвета «победе»
Прикатили под вечер они.
— Дичь здесь есть?
Я ответил:
— Медведи!
— Рыба есть?
— Пескаришки одни.
В общем, встретил я их без букета.
Повидал я таких на веку.
Нет заката для них, нет рассвета.
Но зато есть запас коньяку.
Привезут колбасу и консервы,
Сыр и прочую всякую снедь.
Перепьются поспешно, во-первых,
Во-вторых, попытаются петь.
У кого-то возникнет «идея»
Искупаться в костюмах в реке.
И в зеленом доме Берендея
Станет пакостно, как в кабаке!
Я ушел. У другого протока
Звезд дождался,
Разжег свой костер.
Даже здесь,
А ушел я далеко,

Слышен был нестерпимый их хор.
Горлопанили с пьяным надсадом,
Поздно ночью охрипли. Легли.
А на зорьке
Устроились рядом,
В ста шагах от меня, журавли.
Длинноногие.
Крыльями машут.
Вдруг прыжками по кругу пошли.
В первый раз я увидел,
Как пляшут
На зеленом лугу журавли.

* * *

Подтаежный поселок Скаты.
Отпускные летние дни.
Под тесовыми крышами хаты.
И увитые хмелем плетни.
На высоких шестах скворечни,
Петухи, как везде, звонки.
И встречают лаем нездешних,
Окупая свой харч, щенки.
За деревней петляет речка,
Как в Сибири заведено.
И лежит под кустом извечная
Лодка с темным дырявым дном.
...Нет числа вековым приметам.
Словно время здесь не течет.
...За спиною,
Как сон предрассветный,
Появляется старичок.
Обо всем о моем наслышан,
(Я рыбачу здесь много лет),
— Значит, так-то,— спросил он,
— пишем?
— Иногда,— я сказал в ответ.
Пожевал губами:
— Рыбачим?
Не поймешь: похвала? Упрек?

Мол, другой, серьезней задачи
Для себя подыскать не мог?
Разберись, что таится скрыто
В двух вопросах тех между строк,
— Значит, так-то... Прожито-жито,
Где — по маслу, а где — сучок.
...Понимаю,
Пришел философ
И начать разговор готов.
— Было семьдесят сенокосов.
Было, значит, семьсот потов!
Сеял, веял,
Сынов лелеял,
Заготавливал, значит, впрок,
Чтобы старость была теплее.
Под Осколом убит сынок.
Четверых мне оставил внуков.
Под Житомиром лег второй.
Ты слышал о Великих Луках?
Там мой третий лежит герой.
Значит, так-то прожито-жито!
Девять внуков.
Считай итог:
Сколь штанов и рубах им сшито?
Сколько куплено им сапог?
Сколь учебников и тетрадей?
Две гитары. Баян. Кино.
Там — конфетки, праздничка ради.
Ты считай!
Набежит оно!
Хлеб замерить — два полных стога.
Сахар. Пшенка. Тушенка. Мед.
...Я их пальцем, внучат, не трогал.
Сердцем брал все!
Сердце — не в счет!

Где поплачет,

А где поскочет.

Лишь бы вышел из внуков толк.

Значит, так-то!

Пишем?

Рыбачим?

Ну, давай покурим!

И — смолк.

ТРИ ЗАГАДКИ
(Сказка-шутка)

Было где-то и когда-то,
Точно вспомнить не могу:
Два охотника и брата
Промышлять пошли в тайгу.
Отдохнуть на горке сели,
Чая выпили котел.
Младший, Фрол, пошел на север.
Старший, Петр, на юг пошел.

Смотрит Петр, глазам не верит,
У ручья стоит изба.
Все — как надо: окна, двери
И кирпичная труба.
Что за чудо? Что за диво?
Был здесь вечером вчера?
Был! Зола видна под ивой
От вчерашнего костра.
Никакой не видел хаты.
Сплю я, что ли?

В этот миг
На крылечко бородатый
Вышел в валенках старик,
(Шапка — на ухо).

— Здорово!

Петр Фомич! Опять пришел?

Как жите твое, Петрово?

Где браток твой младший, Фрол?

— Он в березовом распадке.

— Знаю сам! Тебе, Петро,

Загадаю три загадки:

Для чего нужно ведро?

Это первая загадка.

Очень легкая она.

А вторая: видишь, кадка

У крыльца лежит без дна.

Для чего она? Ответь мне,

Для чего она нужна?

А теперь загадка третья:

В чем, Петро, твоя вина?

Отгадаешь — быть веселым,

Не сумеешь — ждет беда.

Думать можешь вместе с Фролом.

Приходи в четверг сюда.

— Диво мудрое какое! —

Фрол сказал: — Зачем ведро?

Третий день нам нет покоя!

Для чего оно, Петро?

Под чернику? Под бруснику?

Может быть, под дикий мед?

— Злой, наверное, старик он, —

Тяжело вздыхает Петр.

С ним беды не обобратятся...

Кадка для чего без дна?

Как могу я догадаться —

Где и в чем моя вина?

Днем не спят они и ночью.
Похудели. Свет померк.
Наконец, сказать короче,
Наступает день четверг.
Ни мертвы, — пошли — ни живы.
За бедой пошли на луг!
Снова — чудо! Снова — диво.
Появилась хата вдруг.
На крылечке — бородатый,
(Шапка — на ухо) старик.
— Ну, додумались, ребята?
Отвечайте сей же миг!
— Не смогли! — Петро ответил, —
Не губи нас, пожалей!
Отдадим ружьишки, сети,
Отдадим пятьсот рублей.
Что прикажешь делать будем!
Ухмыляется старик.
— Я плохое делать людям, —
Отвечает, — не привык!
Две загадки — не загадки.
Для воды ведро — одна!
Если сгнило дно у кадки
Все равно, она нужна,
На лучину, на растопку.
А что думаешь ты робко —
В этом, Петр, твоя вина!
Стал хитрить, мудрить с испугу!
Брата младшего извел!
...И, пошли
тропой по лугу
Восвояси Петр и Фрол.

А И Л

Имя светлое Аил
Я заочно полюбил.
Мне казалось, что в Аиле,
В тихой заводи речной,
Спят, сложив устало крылья,
Гуси дикие весной
После трудного полета
Над морями и тайгой.
Но в вагоне скучный кто-то
Мне сказал: «Аил другой».
И Аил на самом деле
Не такой, как думал я.
Гуси в мае пролетели
Мимо мелкого ручья.
Дачки. Стайка сосен старых.
Ни поселок, ни село.
И всю ночь свою гитару
Кто-то мучил мне назло.
Почему я был наказан?
Ведь не я, а он не мил!
И не мной потерян разум!
Ах, Аил ты мой, Аил!
Не сердись! Но не вернусь я.
Пусть останется со мной
Тот, где ночью дремлют гуси
В тихой заводи весной.

* * *

Рябки! Пустячные пичуги!
А какова у них любовь?
Пух выдирают друг на друге
И на снегу — росинкой кровь.
А ненаглядные пеструшки,
Из-за которых начат бой,
Сидят на пихте, на макушке,
Горды до крайности собой.
Свистят, как судьи на футболе.
Такие правила у них —
Чем больше зла,
  чем больше боли,
Тем обаятельней жених.

* * *

Паром увидишь — вспомнится понтон.
В раскатах грома слышишь канонаду.
Товарищ скажет — был солдатом он:
— Здесь не берет. Сходить в разведку надо.
Идет — не хрустнет ветка под ногой.
В солдатской фляжке крепкий чай с вареньем.
А был в ней спирт. Когда пришлось под Мгой
С боями выходить из окруженья.
Пять-шесть глотков. Но как он их берег!
Для раненых, для тех, кто будет ранен.
Для тех, кто так нещадно изнемог,
Что сделал шаг и потерял дыханье.
И посеючас в нем, бывшем старшине,
Хозяин жив, заботливый и строгий.
— Суши ботинки, — говорит он мне, —
Допрежь всего имей сухие ноги!
В березняке снимает с плеч рюкзак
И прячет в нем кусок сухой бересты,
И так ночной устроит бивуак,
Что дельно все и по-солдатски просто.
И не один из всех друзей моих
Не рвется так душой, но молчаливо,
В немудрый мир зеленолапых пихт,
Заросшего кувшинками залива.

Туда, где ошалелый пережат
Кружит в воронках шапки желтой пены.
Немудрый мир. Но кто, как не солдат,
Заре, закатам, звездам знает цену?

Смотри, выдумывать не надо.
Но не улавливает взгляд
Того прекрасного, что рядом.
Привычно все: и пережат,
И в тальниках зеленых остров,
И серой гальки полоса.
— Смотрите! Воробьишко пестрый.
— А этот камешек — оса.
— А этот — заяц. И с глазами!
Девчонки! Я не видел их
Ушел в себя, своим был занят,
Опять отыскивая стих,
Где слово каждое — открытье,
Где дышит все и все живет.
— А этот — лодка! Посмотрите!
Поставить парус — поплывет!
Приобретенье иль потеря —
Мой трудный опыт? Может быть,
Сейчас мне очень нужно верить,
Что серый камень может плыть?

ПОДТАЕЖНАЯ ОСЕНЬ

Городок подтаежный,
Рабочий,
Не робкий.
Паровозным гудкам
Откликаются сопки.
А на небе два клина,
Улетающих к югу,
И чуть слышится журавлиное
Предотлетное «ку-гу».
Сопки в позднем багрянце.
Листьев высохших шорох.
Ненадолго на станции
Повстречались два скорых.
Трубы паром окутав,
Перекликнулись звонко.
На перроне кому-то
Приглянулась девчонка.
Засмотрелся немножко,
Догоняет свой поезд,
Он вскочил на подножку,
А кепчонкой все машет;
Галстук ветром относит.
— Я вернусь сюда, Маша!..
Подтаежная осень.

**«Сентябрьский
облетающий огонь...»**

* * *

Как не способен ты на зависть,
Когда, ликуя и трубя,
С твоей походкой не считаюсь,
Обходит молодость тебя!
В один слились и час твой ранний
И час сыновий, зоровой,
И ты не ощущаешь грани,
Где твой теперь и где не твой.
И как сказать теплей и проще
О том, чему всем сердцем рад?..
Шагал и я когда-то роцей
Под шум листвы и свист щеглят..

* * *

Я нашел в лесу подкову.
Предрассудков не тая,
Эту стертую обнову
На стене повесил я.
Но она, само собою,
Не вписалась в тихий быт.
Это — небо голубое,
Это — звонкий стук копыт,
Это — лес,
                                степной поселок,
Это — свежий
                                санный след,
Это — я скачу веселый,
Это — мне семнадцать лет!

ЖИВОЕ СЛОВО

Роса на елях.

Весь искрится,
Влетев в луч света, майский жук,
«Поговорить — росы напиться»
Я почему-то вспомнил вдруг.
Как чисто и проникновенно!
И тотчас я открыл, как новь,
Что говорим мы откровенно,
Когда в словах живая кровь.
Нежданное в привычном старом;
Какой народом вложен труд
В любое слово!

Спорим яро,
А яр всегда отвесно крут,
И я увидел образ слова —
Не сочетанье мертвых букв —
Нет! В слове словлена основа
Открыта суть.
...В хвое еловой
Жужжит живое слово жук.

* * *

Сентябрьский облетающий огонь.
Шуршащий лист не греет мне ладонь.
Нет, не возьму я этого подарка.
Он разлетится пылью — только тронь.
Хорош лишь тем, что умирал он ярко.

Ты подари мне будущей весной
Травинку с первых снеговых проталин,
И вот тогда, что б ни было со мной,
Какой ни есть: рассержен ли, печален,

Забуду все тогда и улыбнусь.
И будет день мой радостен и светел.
Не обижайся, не дари мне грусть.
Я жизнь люблю, а не шуршащий пепел,

* * *

Ты говоришь: «Я встрече рада!
Я постарела? Не жалею!»
Не замечаю листопада,
Летящих в старость журавлей!
«А ты — все тот же!» Я не спору.
Конечно — прежний, не иной!
Стою опять в бору на взгорье
Такой же робкий и смешной,
Сказать не смеющий три слова.
А как я их сказать хотел!
И на куске коры сосновой
Писал три буквы «я. т. л.».
Когда бы это было ложью,
Тогда бы, может быть, теперь
Был я — как встречный и прохожий,
И ты — не прежней, а похожей.
А ты — все прежняя — поверь!

* * *

Если мне когда-нибудь заменят
Сердце, отслужившее свой срок,
Встав с больничной койки в день весенний
Поклонюсь тому, кто мне помог
И вернул мне осени и зимы,
Белый гребень на речной волне.
Только будет жаль мне нестерпимо,
Сердце то, что есть сейчас во мне.
Сколько оно правды подсказало
Той, что разум подсказать не мог.
Никогда за то не упрекало,
Что его всю жизнь я не берег,

* * *

Не хочу я того, чтобы ты присмирела.

Не давай мне покоя ни часа, ни дня.

Говори: «Уходи!»

Говори: «Надоело!»

Говори, что не стоило верить в меня.

Будь сто раз неправа!

Одного лишь не надо:

Не стихай! И меня, все поняв, не жалей.

Трудно было мне в дни моего листопада.

Видеть твой листопад — мне еще тяжелей!

* * *

Несвязный говор собственной души
Оставь в себе. Об этом не пиши.
Не выдавай разброд свой за исканья.
И говорить о шквале не спеши,
Когда вода чуть дрогнула в стакане...
Поэт ранимей. Но и тот не груб,
Кто не поэт! Несказанное слово,
Оно за твердым очертаньем губ
(Таков наш век) у каждого второго.
Не утаить свое,
А уберечь!
Ведь боль твоя подчас других калечит,
А грусть, бездумно скинутая с плеч,
Тоской ложится
На чужие плечи.

ПОДРУГИ

Немало в памяти отыщем
Счастливых встреч и ясных дней...
Но ни о ком светлей и чище
Не вспоминаем, чем о ней.
Потом мы встретились с другими
И дорогих подруг нашли,
И любим их. Но это имя
Забыть мы все же не смогли.
И забывать его не нужно —
Пусть не обидится жена,
Что радость первой светлой дружбы
Открыла сердцу не она.
Мы никогда им не изменим,
Жене-подруге и другой,
Что нам когда-то со смущеньем
Сказала робко: «Дорогой»
И тотчас рассмеялась звонко:
«Ну, что же ты теперь молчишь?
Ах, я совсем еще девчонка,
А ты — совсем еще малыш!
И ты смешной,
И я смешная.
Возьми цветок на память! На!»
...Такая вот, а не иная,
Нам вспоминается она!

Нелегкий час преодоления,
Когда ты слаб,

а нужен взлет!

Усталость ставит на колени
И приподняться не дает,
И, зло подтачивая веру,
Твердит:

«Не хватит сил твоих!»,

Когда тебе грозит он, серый
Бескровный,

вымученный стих.

И путь в свой дом — с чужого хода
По ржавой,

выбитой стерне.

Клянешь себя,

что ты недодал,

Полусолгал,

солгал вполне.

Писал с оглядкой и примеркой
На изощренный,

модный стих,

Что правду сердца

исковеркал

И устыдился строк простых.

* * *

В гнездах неподвижны аистихи.
И под вербой старой у реки
Собрались девчата в вечер тихий
И сплетают вещи венки.
Пусть плывет, плывет венок, не ляжет
На речное илистое дно.
Пусть венок девчонке правду скажет —
Горе ей иль счастье суждено?
И плывут венки по речке малой,
Что добра и прожила века,
Соловья-разбойника слыхала
И конька поила горбунка!

* * *

Легко включить, когда стемнеет, свет.

И так непросто вспоминать былое,

И там, где видел горькое и злое,

Негаданно увидеть светлый след.

Убрать одну из давних тех обид,

Когда был прав,

но кем-то не был понят.

Что я ищу

в июне на Тайдоне?

О чем таежный пережат шумит?

Ищу я тех, кого недолюбил

В другой тайге, давным-давно когда-то.

Прощаю тех,

ни в чем не виноватых,

Кого не понял я и не простил.

* * *

Кто зовет в тайге: «Ау»?
Окликают не меня ли?
На осеннюю траву
Хлопья теплые упали.
И сосновая смола
Потемнела и застыла.
Если ты меня звала,
Значит, ты меня простила,
Виноватая сама.
Но о чем сегодня спорить?
Та же ранняя зима,
Там же тихий лес на взгорье,
Так же торный лыжный след
Раздвоился на увале.
Кто они? И где ответ?
В чем друг друга обвиняли,
А сейчас зовут: «Ау»?
...Мы друг друга не позвали.
На осеннюю траву
Хлопья теплые упали.

* * *

Не торопись!
Придет когда-то
Все то, что ты от жизни ждешь.
Придут и счастье и расплата,
Большая искренность и ложь.
И может горькое случиться —
С годами выгоришь дотла,
Раздав случайно, по крупицам,
Запас душевного тепла.
Не торопись! Будь сердцем строже.
Не потому, что счастье — ложь.
Но часто счастье не похоже,
На то, которое ты ждешь.

* * *

Самопортретов не пересчитать.
В большом избытке «самовыраженье».
Поэзия ж, она — скорее — мать.
В ее основе — самоотреченье.
Себя вместить? Или — себя вмещать?
Сопережить с другим. И возвращать
Ему его же, но обогащенным,
Как возвращает сыну мать,—
Таким жива поэзия законом.
«Мораль!» «Трюизм!», «Дидактика!», «Старо!»—
Мне слышится. «Он прописи читает!»
Ах, боже мой! Как ни старо добро,
А все его нам, людям, не хватает.
Недостает той мудрой доброты,
Где меньше «я» и больше «ты...»

* * *

Когда-то вития бедовый,
Задиристый, острый, как нож,
Сейчас ты последнее слово
Нередко другим отдаешь.
Тому, кто намного моложе.
И сед ты и умудрен,
Но к новому ближе, быть может,
Не ты, а, неопытный, он.
Подобно ростку утверждаясь,
Некстати порой горячась,
В привычном мне свежую завязь
Он видит и новую связь.
Особое юности зреньё,
Самозабвенный порыв.
...Давно ль опирался на стремя
Двадцатилетний комдив?
Давно ль боевые шинели
Дарили Корчагины нам?
Давно ли «Сергивку» пели
И «По морям, по волнам»?
Давно ли из-под папахи
Был чуб — твой единственный форс.
В засадах на Арранахе
Ночами давно ли ты мерз,
Боец комсомольского ЧОНа?!

Вчера? Иль минуту назад?
Сегодня у циклотрона
Не ты, а другие стоят.
Ты сердцем из нови не выбыл.
Седой не отброшен шугой.
И все же у домен Запсиба
Сегодня не ты, а другой!
Не к тем, кто сменяет нас, зависть!
Ты глубже в себе разберись.
Здесь то, что, с твоим не прощаясь,
Ты хочешь дожить свою жизнь!
Ты, время ревнуя к кому-то,
Не можешь сказать: «Не мое!»
И если осталась минута,
Как первую, встретишь ее.

ЗАРНИЦА

— Что ты делаешь, горе наше!

Что творишь ты!

— Я не творю.

Я игрушку сейчас раскрашу,

А потом себе подарю.

...Через час пролила чернила.

Через полчаса — звон стекла.

— Что наделала?

— Уронила.

Я из глины блины пекла.

— Озорница ты, озорница!

Посиди ты хоть пять минут!

— Ты — Наташа?

— Нет. Я — зарница,

Меня все так

Всегда зовут!

ПРОДОЛЖАТЕЛИ

Стоят в почетном карауле
Едва вступающие в жизнь.
Над ними не свистели пули,
Над ними мины не рвались.
На них не шли с крестами танки,
Они не падали в ковыль,
Для них Колчак, Деникин, Врангель
И Каппель — дней далеких были.
Откуда в них такая сила,
Такая властность в них и твердь,
Как будто руку заносила
Десятки раз над ними смерть?
Как будто кручу Перекопа
Они познали и Сиваш,
Как будто весь нещадный оныг
Они в себя впитали наш!

* * *

Не упрекаю молодых: «Забыли?!»
Забыть нельзя о том, чего не знал,
Не пережил. Я сам ходячей былью
Для молодых уже, быть может, стал.
Но пригласят в президиум почетно,
Поскольку ты сегодня ветеран,
И слушать будут речь твою охотно
И с лимонадом подадут стакан.
Ты говоришь о раннем и багряном,
Чеканя мысли и граня слова.
Ты говоришь. А подмывает грянуть
По-давнему: «Товарищи! Братва!»
С пороховым неистовым запалом!
Мороз на спины!
Струйкой пот — на лоб!
Допечь ребят, как допекал, бывало,
Тебя годов двадцатых агитпроп.
Но так нельзя! Культура речи. Мера.
Перед тобой не ЧОН, не продотряд.
Перед тобой врачи и инженеры,
Учителя, ученые сидят,
Властители сложнейших интегралов
И электронной глубины знатоки.
(Не то, что мы, писавшие, бывало,
С трудом невероятным три строки).

Стоишь сейчас, седой, ты перед ними
У красным полотном укрытого стола
И думаешь, что жизнь твоя прошла
Затем, чтоб мог ты видеть их такими!

«Пока не грянут
трубы...»

ТАЕЖНЫЙ КЛУБ

Двадцать пятый год.

Таежное

Наше прежнее житье.

Закопченное, промороженное,

Присковое зимовье.

Нары. Пол из жердочек настлан.

У дверей лопаты и лом.

В черепушке с бобовым маслом —

Фитилек коптит над столом.

Печь железная.

Чайник старый.

Вот и все.

Для воскресных дней

Карты есть у нас и гитара,—

Жаль, струны не хватает на ней.

Впрочем, было не до веселья.

Поконай-ка шурфы зимой!

Так устанешь, что еле-еле

Доплеться к себе домой.

Далеко, за горами горбатыми,

За таежной зеленой стеной,

Парни песни поют с девушками,

А у нас девчат — ни одной.

Ни одной! Ни курчавой, ни стриженной,

Ни застенчивой, ни озорной,

Даже в этом мы были обижены
Неприятной той стороной.
В общем, мало было хорошего.
Одного лишь нельзя отнять:
Мы у жизни легко и дешево
Ничего не привыкли брать.

I

То ли в марте,
То ли в апреле
Ночью к нам пришел человек,
На солдатской его шинели
И на шлеме был мокрый снег.
Дверь пришлась ему не по росту —
Был из тех, что берут на флот.
Распрямился, снял шлем и просто,
Как знакомый, сказал:
— Метет!
Шел с «Крутого». Вдруг вижу: хата!
Я и двинулся на огонек.
Заночую у вас, ребята?
Есть, братишки, у вас чаек?
Отвечаем:
— Конечно! Можно!
Раздевайся, садись сюда.
А чайшко у нас таежный —
Кипяченая, брат, вода.
Гость смеется:
— Хорош! Годится!
Был бы только в меру горяч!
Нас, ребята, эту водицу
Приучил уважать басмач.
Было дело: лежим в барханах,
Ждем бандитов и день и два.

Не в избе ведь, не в балаганах,—
Как в костре мы лежим, братва!
Чуть задремлешь — колодец снится,
Видишь речку, туман над ней.
Называйте воду водицей.
Будьте ласковее, нежней.
Балагурит. Глаза с хитринкой.
Чай наш хвалит:
— Не чай, а мед!
Осторожно, своей тропинкой,
За собой куда-то ведет.
Начал мягко, а кончил позже —
Что ни слово, то в сердце гвоздь:
— Распустили, ребята, вожжи!
Как живете?— песочит гость.—
В зимовье у вас, как на свалке!
На столе у вас — тарарам!
Сознавайтесь-ка, елки-палки:
Умываетесь по утрам?
А прически? Гнезда сорочьи!
Не глядели б глаза на вас.
Стыдно!
Будущие рабочие!
Наш таежный рабочий класс!
Так и будем лежать под шубой,
Дуться в карты и пить вино?..
— Клуб нам нужен, нельзя без клуба.
— Думать нечего. Решено!

II

...Дел по горло: сцена, скамейки,
Декорации, реквизит.
И никто не дал ни копейки
Комсомольской нашей ячейке.

Ни копейки.
А клуб открыт.
Бедновато. Тесно. Но чисто.
И играть в этом клубе — нам.
И учили роли артисты:
Кто по памяти,
Кто по складам.
(Даже женские роли играли,
Платье в талию, голос — бас!)
Впрочем, некоторые роптали:
— Надоело мне генералить,
Под расстрелом быть каждый раз!
Но порядок в ячейке строгий —
Роль давалась, как твердый приказ...
...Может быть, показался б убогим
Тот таежный наш клуб сейчас.
Ни ковров, ни штор, ни паркета,
Ни сверкающих бронзой бра.
Сколько песен в нем было спето
Под декабрьский ночной буран!
Клуб таежный на косогоре!
Не оттуда ль открылся нам
Путь в Кузнецк и к Обскому морю,
К беспокойным его волнам!..

У Л Я

(рассказ кузнецкстроевца)

Появилась у нас она, помню, в июле
В кацавейке, в лаптишках.

В руках — узелок.

— Я пришла к вам работать.

Зовут меня Улей.

— Кто прислал?— я спросил.—

Кто додуматься мог?!

К нам в бригаду, к бетонщикам, в самое лихо
Посылают дите! Посходили с ума!..

Я шумлю.

А она отвечает мне тихо:

— А никто не послал. Я пришла к вам сама

Вы не бойтесь... Я справлюсь... Я сильная,

дядя...

Посмотрите на руки!..

Я сразу обмяк,

На ладони ее загрубевшие глядя,

И сказал:

— Приходи к нам под вечер в барак.

Мы решили помочь всей бригадой девахе.

Пусть у нас поживет, постирает белье,

Одежонку починит, штаны и рубахи.

Как-нибудь всемером-то прокормим ее!..

В тот же вечер пришла к нам в бригаду

Ульяна.

Варит, парит. Стирает — в бараке туман!
Спит не знаем когда. Поднимается рано.
И, управившись, с нами идет в котлаван.
— Ну-ка, дяденька, дайте мне вашу лопату.
Дайте, дяденька, тачку — разок прокачусь!
Я ее прогоняю. Но просят ребята:
— Уступи ты сестренке! Попробует пусть!..
Сколько сметки рабочей, смекалки, сноровки!
Девка — золото! Парню любому под стать.
Так прошло две недели.
И вдруг — забастовка!
— Хватит дыры чинить, щи варить
И стирать!
Я зачем шла сюда? Мыть полы и посуду?
Я ее, окаянную, всю перебью!
Строить буду!
Вы слышали? Поняли?
Буду!
Ишь, нашлись!
Я сама за себя постою!..
А на завтра ушла на бетономешалку.
На прощанье подарков от нас не взяла.
Ничего,
Кроме шелкового полушалка.
Рассмеялась смущенно:
— Стерпеть не смогла.
Уж такой он цветастый,
Такой он красивый,
Ах, какой голубой он,
Какая кайма!
Дорогие мои вы!
За все вам спасибо...
Только... как-нибудь лучше уж буду...
сама.

КОСТЕР

Пылает хворост, и кружатся искры.
Невдалеке за тальником Камзас,
Как юность, чистый и, как юность, быстрый.
А я о ней
И думаю сейчас:
О чистой, быстрой...
Хорошо Камзасу!
К нему приходит юность каждый год!
Моя прошла! Но в сердце не погасла,
Хотя всему — свой срок
И свой черед.
Вблизи костра и молодым груститесь.
Поют, смеются. Но в какой-то миг
Стихает юность
И грустнеют лица —
Пришло раздумье.

...Я к кострам привык.
Их много было — вешних, летних, зимних,
Пылавших ночью
И горевших днем.
Был тот костер,
Что ночью плыл на льдине.

Давным-давно!

Я расскажу о нем.

Росла Варвара Кузьмина в Поволжье.

В голодный год осталась сиротой.

— Что отвернулся? Али не пригожа?

Что губы морщишь, мальчик холостой?!

Чем для тебя, кудрявый, я не пара?

Женись на мне!

...Позвали в поссовет.

— Пора кончать, с гулянками, Варвара!

Работать будешь?

Отвечает: «Нет!»

Нам, комсомольцам, драки надоели —

Там, где Варвара, пьянство до утра.

Бездомная. Кочует по артелям.

Поет, плясунья, на язык остра.

Она в зеленом с буфами жакете.

Браслет латунный. Серьги. Нитка бус.

— Вы,— говорит,— сестер своих жалейте!

А я без вас, святые, обойдусь!

К столу шагнула, на пол шаль упала

(Комочек алый, можно таять лед!)

— Гармошки нет,

А то бы я сплясала!

Уж больно скušный разговор идет!

Я кто такая? Кузьмина Варвара!

Хоть завтра в омут!

Хоть сейчас — в огонь!

Пила. Гуляла. Деньги воровала.

Ты, Басаргин, таких, как я, не тронь!

Петр Басаргин, наш секретарь, сегодня

Строг необычайно. Брови хмуро свел.

Он наклонился, шаль спокойно поднял,

Встряхнул ее и положил на стол.
К нам обернулся:
— Полагаю, парни,
Весь этот грохот не берем в расчет.
Сестренку мы определим в пекарню.
Пусть калачи и пироги печет!

Мы все притихли
Не пойдем, как мог он
Сказать «сестренка!» Как он только мог!
Чадит лампешка.
Ветер бьется в окна.
И выдувает из-под бревен мох.
Сидим, сутулясь,
В драных полушубках.
Папахи — набок. Из-под них — чубы.
Коптим махрой из носогреек-трубок.
Сыны своей старательской судьбы.
С утра — в шурфы.
Ночь подошла — на нары.
Так — день за днем.
Так третий год подряд!

— Ты что сказал? — опять взвилась Варвара. —
Сестренка я?
А ты, выходит, брат?
Я испеку вам!
Век не прожуете!
Не для того пробилась я в тайгу!
Пусть вам печет троюродная тетя!
Сбегу в Якутск!
Пекарню подожгу!
Глаза, как угли. Хороша на диво.

Кусает губы. И потом — навзрыд.
На стол упала.
— Мне не быть счастливой!
Мертвяк уже я! А душа горит!
В кровь растравили всю и заплевали!

Пошли в зимовье. Объясняем так:
— Вы, женихи! Не приставать к Варваре!
Забыть о ней. Не подходить на шаг!
А у Варвары паспорт отобрали.
Наш старший пекарь похудел, оброс.
Кряхтит и стонет:
«Удружили кралю!»
— Терпи, отец,
Как повелел Христос!
— Терпеть придется!
(Есть к тому причина.
Он, бывший поп, побаивался нас).
Но дни идут. И поддалась дивчина.
Платок надвинет — не увидишь глаз.
Шурует в печке помелом сердито.
И вскоре утром пекарь нам принес
Гостинец Варин: с кренделями сито
И пачку самых лучших папирос —
Такие были лишь в золотоскупке.
(Поздней призналась: «Серьги продала».)
Мы вновь притихли.
Вновь дымятся трубки.
А тут еще весна в тайгу пришла.
И журавли курлычут издалече.
И к нам, в семнадцать—двадцать наших лет,
Еще никто не выбегал навстречу.
Хребты. Тайга. Едва заметный след
Тропинки дальней у ручья в распадке.

Размытый шурф — наш прошлогодний труд.
Июльским утром квохчут куропатки.
Своих птенцов на ягодник ведут,
Где в серых мхах неспелая брусника.
...Цветы бледны, недостает тепла,
А чуть пригреет — клонятся и никнут,
Как будто их обида обожгла.

Сидим на хвое под огромной пихтой
Я, Петр и Варя. Забрели в тайгу.
— Как дальше жить? — спросила Варя тихо, —
Я ничего придумать не могу.
Стыд перед всеми.
Был братишка Вася
(Его помгольцы взяли из села).
Я в двадцать первом нищенкой в Донбассе
Все города и шахты обошла.
Не отыскала! О степи тоскую.
Здесь все тайга. И на горе — гора!
Детей люблю. А кто возьмет такую?
...Я исподлобья глянул на Петра.
Молчит. Хвою засохшую сгребает.
Впервые в жизни злюсь я на Петра.
Ему-то что? За ним пойдет любая!
А Варя так — «сестренка» да «сестра»!

То принесет грибов нам, то черники.
Дня не пройдет, чтоб не была у нас.
— Какие я нашла, ребята, книги!
Все о любви. Я как во сне сейчас!
О вешних водах. Написал Тургенев.
Другая книжка — Чехов. О, Мисюсь!

И приказала:

— Утром в воскресенье

Все — марш в тайгу! Я в хате приборусь.

Мы много дней не делали приборки,

В своей бобыльей темной конуре.

А тут — на окнах ситцевые шторы,

Ведерный чайник будто в серебре.

Все чашки-ложки чистые на полке.

И пошутила озорно, не зло:

— Невдалеке развесила на елке

Взамен игрушек наше барахло.

У нас опять не глажены рубахи.

Сам постираешь, высохла — надел.

Уже полгода Варя на рабфаке,

А мы — в шурфах.

Обычный наш удел.

Лопата, лом, с которым и срослись мы,

Слепили клуб из брошенных двух хат.

Не слишком часто получаем письма.

Издалека. Со штампом «Ленинград».

Открытки в письмах:

Хмурый Исаакий.

Петр — медный всадник. Зимний и Нева.

«Не посылайте денег. На рабфаке

У нас такая дружная братва.

Пишите чаще, больше! До свиданья.

Все сердцем ваша Варя Кузьмина».

Была в тот год далекий на Алдане

Веселая и дружная весна.

Река ярится, плещет и грохочет.

У переката ледяной затор.

...Пришли на берег всей ячейкой ночью,
На прочной льдине развели костер,
Стоим в какой-то непонятной грусти.
А в двадцать лет печаль твоя светла.

Петро сказал:

— Давайте льдину спустим.

...Река лениво льдину подняла,
К скале прижала, тотчас оттолкнула.
Сноп искр взлетел.

Покачиваясь, вниз

Плывет костер среди ледяного гула.
Все дальше он. Вот он ушел за мыс...
Но в дальнем небе виден отблеск алый!

Идем гуськом к холодной конуре.

Снежок идет, последний, вешний, талый.

...Вот весь рассказ о Варе и костре,

ГОРНИСТЫ

Ровесникам

Давно мы шлемы сняли
И хромовый кожан,
И неохотно сдали
Винтовку и наган,
И паспорта с пропиской
Во всех краях страны
В архиве паспартисткой
Бесстрастно сожжены,
И выдан нам бессрочный
На весь остатный путь.
Большой иль укороченный?
Ответ предельно точный
Придет когда-нибудь!
Но, к честности приучены,
Чужого не возьмем.
При солнце и под тучами
Лишь наше проживем,
Пока не дрогнут губы
У самых волевых,
Пока не грянут трубы
Оркестров духовых.

Друзья пошлют в газету
Почетные слова.

За Лукоморьем где-то
Растет живун-трава.
Той травкой в сказках лечат
От роковой беды.
Где ручеек, чтоб в глечик
Набрать живой воды?
Где ворон, добрый малый,
В дубраве, на суку?
Он жизнь спасал, бывало,
Ивану-дураку.
Мне спорить нет охоты.
Но думается так:
Народным Дон-Кихотом,
Был наш Иван-дурак.
Смекалистый, сердечный,
Насмешливый порой,
Простых людей извечный,
Излюбленный герой.
На свадьбе вдруг заплачет
На похоронах — в пляс.
Но вдумайся иначе —
В какой чудил он час?
Зачем вздыхать уныло,
Когда врагу конец?
Где счастье, коль с немилой,
Корявой девкой силой
Шел парень под венец?
Бледны, бескровны губы,
Шатается — не пьян.
...Великим жизнелюбом
Был умница-Иван!

Побаски да остроты
На тот особый лад,
Каким чудит пехота,
Пройдя кромешный ад,
Затем, чтоб на привале
Набраться сил сполна.

...Есть боль

                                больней едва ли,
Такой, что не видна,
А нам ее, безмолвной,
Досталось мерой полной,
И если жизнь — река,
То не стихали волны
Ни одного денька.

Вот так иль по-другому,
Береза иль сосна,
Но увела из дому
К реке меня весна.
Таежная, короткая,
Всего на двадцать дней.
Нет! Не степное кроткое
Девичье сердце в ней!
Весна вскипела яростью
Весь стреж от пены бел.
...Присел,
Вздохнул о старости,
Рюкзак на плечи вздел,
И в тальниковой заросли
Иду на перекат.
Сибирской вешней ярости
До боли в сердце рад!
На бережку, под кручею,
Дерутся два скворца.

По бытовому случаю
Зашлись у них сердца.
Один, видать, не здешний —
Пройдоха будь здоров! —
В чужие лез скворечни
Без всяких ордеров.
Как здесь не возмутиться,
Не проучить его!
Поскольку ни милиции
У птиц, ни ЖКО.
В траве видны два холмика.
Земля влажна, черна.
К засоне и затворнику —
Кроту пришла весна.
Нет в мае бесталанного,
Во всем порыв и взлет!
...Переживаю заново
Иванов свой поход,
Погоню за жар-птицею —
Поэзия она!
Не довелось открыться,
Все выплеснуть до дна.
Летало, да не поймано,
Не быть в строке словцу,
Такому, чтоб спокойному
Кровь хлынула к лицу.
И песню красной девице
Сердечную не дам,
Чтобы могла надеяться
И верить соловьям.

Забот чересполосица
И прежде, и теперь.
Бывало, слово просится,

Но сам захлопнешь дверь.
Отпустишь несогретое
Под звезды, на мороз.
«Сейчас мне не до этого!»
«Сейчас не тот вопрос!»
То сбор в казарме ЧОНовой,
То прибыл срочный груз.
Где там до утонченного
На изощренный вкус!
Не до строки певучей
(Я ей отнюдь не враг).
Мне просто выпал случай
Сказать, что было так.
(Среди бумаг я ранние
Стихи нашел вчера.
Они меня и ранили!).
Мы были в нашей юности,
Чуть-чуть, быть может,
Крайними.
Но были теми самими,
Какой была пора!

Стареем, скажем искренне,
Без той бравады выпренней,
Что мы, седые, хворостям
Даем крутой отпор,
Де что угодно вынесем
И где угодно выстоим,
Что по колено море нам,
И люб нам косогор.
А все ж,
Пусть мы не прежние
И не такие быстрые,—
Не от костра чуть видного,
Летим последней искрою!

**И не звездой падучей
Погаснем между гор!
Не надо тихой заводи,
Не надо дремной пристани!
Век доживем горнистами,
Всему наперекор!**

П О Э М Ы

МАТЬ АННА

Здесь ласточка свила гнездо под крышей.
Добряк Волчок не злится у ворот.
Пробегав ночь, кот, доходяга рыжий,
Спит под крыльцом.
За хатой огород.
В нем под березой два замшелых улья.
И надо быть нерадости такой:
Поднялся ветер, пчелы потонули
(У них взятки на грече за рекой).
Не все погибли. Два иль три десятка.
— Не меда жаль, — вздыхает бабка, — пчел.
Любой и каждый любит мед-то. Сладко!
И ставит миску с сотами на стол.
Июльским солнцем огурцы пригрело.
Горит огнем оранжевым парник.
Лук боевые выпускает стрелы.
А нежный мак свернулся и поник.

Я напросился в постояльцы к Анне.
Колю дрова. Вчера я мед качал.
Всю зиму я о зоревом тумане
И тальнике, как никогда, скучал.
Вот и дождался! И шагаю босый,
О седине и возрасте забыв,

По лебеде и по июльским росам
Чуть видной тропкой на крутой обрыв.
Внизу река, а дальше луговина.
Два озерка, глубокая курья,
Вся в зарослях боярки и калины.
Там мой шалаш. И тучи комарья.
Покоя нет от кумовьев незваных.
Летают, ноют: «Кум, ку-пи ви-на!»
И я сбежал! Сказала бабка Анна:
— Давай, селись. Живу, как перст, одна.

А разговор наш с Анной поначалу
Шел по верхам. Пустяшный разговор:

— Жара стоит.
— Дождя бы не мешало.
— Поешь медку.
— Покушай помидор!
— Вот принесли газету. Почитай-ка!
— Ты под навесом,
В холодке приляг.

Стал замечать я, что моя хозяйка
Раз в два-три дня уходит в березняк.

Лес на горе и от избы направо.

Уходит Анна без ведра в руке.

Подумал я, что потайные травы

Рвет по росе она в березняке.

Но я ошибся. Анна трав не ищет.

Вчера спросил:

— Ты где, стара, была?

Сказала Анна тихо:

— На кладбище.

Там мой сынок. Домой его звала.

Да не идет и не придет мой Боря!

Нет, не придет! Взяла его война!

Слова скупые и большое горе.
Арина-мать солдатская. Она!

— Все вспоминать—накрыться черной шалью,—
Сказала Анна,— в детстве нищета.
С жабреем горьким отруби мешали
И хлеб пекли. И тот — не досыта.
До полусмерти шомполами бита.
И муж расстрелян на моих глазах.
Очнулась утром, дверь в избе открыта,
И снегу за ночь намело в сенях.
Как поднялась? Не знаю! Дверь закрыла,
А на скамейке, у окна, кисет.
«Ушел, Егор» подумала. Забыла,
Что пятый день в живых Егора нет.
Взяла кисет. Хочу о чем-то вспомнить —
И ничего припомнить не могу.
И только очень, очень тяжело мне,
И пятна крови вижу на снегу,
И как во сне — кладбище и могилу.
Здесь боль по телу, как огонь, прошла.
Час мой настал! Я собрала все силы
И до избы соседской доползла.
Без крика. Молча. Опасалась белых.
Так я в тот день сыночка родила.
В бреду была, но сохранить сумела.
А через двадцать лет не сберегла.

Пошел на фронт он.
Провожаю, вою.
Душа зашлась. И мне помстилось тут,
Что не один Борис идет, а двое,—
Отец и сын, плечо к плечу идут.

Кричу им вслед:

— Егор! Смотри за сыном!

Горячий он! Сам на рожон не лезь!

И в первый год Борис в бою под Клином
Сказался весь и объявился весь.

Танк подпалил.

И принял сам три пули.

Одна — в бедро, а две вошли в живот.

Домой вернулся. Я купила ульи.

Врачи сказали: Боре нужен мед.

Полгода прожил. Не терпел постели.

Прошу: «Лежи!» Ответит: «Не могу».

— Жаль,— говорит, что шишки не успели.

Я хоть ползком, но заберусь в тайгу.

Недосмотрела! В лес ушел под осень.

Домой вернулся — все бедро в крови.

Стал помирать. Я плачу. Боря просит:

— Меня не будет —

Для сирот живи!

Как завещал он,

Так и поступила.

Взрастила Колю. Он давно женат.

Внучата есть: Аркаша и Людмила.

Зовут к себе.

А как же он, солдат,

Один в тайге?

Все зарастет бурьяном!

Нет! Здесь мне жить

И здесь мне умирать.

— Прости меня,— вдруг повинилась Анна,—

Погоревала,

Так на то я — мать.

Мы матерей своих похоронили,

Но долг остался, и вина жива.

На дальней неухоженной могиле
В апреле снова прорастет трава.
Весна верней и памятливей сына.
Она сюда приходит каждый год.
Мать, умирая, сыновьям простила
И вольный, и невольный их уход.
Мать не вернуть.
...Я вновь у бабки Анны.
Все, как тогда.
Но рыжий кот ушел.
— Был хулиган. Не стало хулигана!
Какой сейчас у бабки Анны стол?
Ни молочка, ни мяса, ни сметаны.
Картошка, мед — весь бабкин разносол!

Еще есть куры. Поросенок Тимка,
Спокойный днем и по ночам шальной.
А у Волчка глаза покрылись дымкой,
И на рыбалку не идет со мной.
Надлом? Упадок?
Нет его, надлома!
Здесь нет моих глухих, пустых минут.
То — огород, то — хлопоты по дому.
Обычный труд. И неизбежный труд.
Изба чиста. И на окне герани.
Зимой опять половики ткала.
И поздний сон. И час подъема ранний.
Дела, дела! Старушечьи дела!
Такие, что на завтра не отложишь,
И тоже вновь:
— Сынок, поешь, приляг.
Как ты живешь?
— Все становлюсь моложе.
— А ты, сынок, как прежде, весельчак!

— Так лучше, мать. Веселый к богу ближе!
— Ты коммунист — и вдруг какой-то бог!

...Не знает Анна,
Что я мать в ней вижу,
С какой печалью слышу я «сынок».
Как передать, что чувствую сейчас я!
Тоска и грусть
В сравненье с тем легки.
И всю жизнь добытое счастье
Не стоит той морщинистой руки,
Что к сильному тебе несмело прикасалась.
И ты стыдился, что ласкает мать.
А может быть, она свою усталость
В тот час тебе хотела передать.
Теперь ты понял, что это такое —
Непринятая ласка. Ты постиг
Отцовство и всю меру покоя.
Но ты — не мать! Ты крепче. Ты привык
Любую боль смирять холодной волей.
Но воля та лишь внешне холодна!
— Ждала всю весну, что приедет Коля.
Но так случилось: Людочка больна.
И в пятый класс не перешел Аркаша.
Избаловали в городе ребят!
В двенадцать лет у нас, бывало, пашет.
В семнадцать лет уже, глядишь, женат.
Мужик. Хозяин. Ходит с бороною,
В портах холщовых серых и лаптях.
...И полилось давнишнее, седое,
Под полусонный щебет малых птах,
Гнездящихся в березовом лесочке,
Что невдали от хаты, на яру:
— Картошка сохнет. Скуржились листочки.

Ах, хорошо бы дождичка к утру!
Весною сыреть, как июль — сухмень.
Погоды нет четвертый год подряд.
...Все то, о чем обычно говорят
Нам матери.
И только просит взгляд:
«Ну, подойди же и уткнись в колени!»
...Не подошел!
— Волчок и Тимка спят.
И нам с тобой пора на боковую.
Ты отдыхай.
Ты писанину брось!
Вот прут возьму березовый, отдую!
Приехал в гости,
Так живи как гость!
...И вновь клоню я голову седую.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Главы из поэмы

Н е р и ч и

Читаю ненаписанный дневник,
Перечеркнуть в нем что-нибудь не волен.
То — ясность детства,
То — щемящий вскрик
Еще не притерпевшегося к боли.
То видишь снова дремный флигелек
И подоконник в лепестках герани.
То — листовничник и олений мох
И дымный шурф и вечер на Алдане.
Он, северный, до полночи не гас,
Неповторимый тот июльский вечер —
Когда в тайге мы пели в первый раз
Ячейкой всей «Вперед! Заре навстречу!»
То вспоминаешь, как шагать пришлось
На Кузнецкстрой к глухому полустанку.
То — первая сиреневая гроздь
В густой росе, упавшей спозаранку.

Кедровый стланик на гольцах и марь.
И березняк едва живой в распадке.

Весной токует невдали глухарь
И в огород летают куропатки.
Шурфы за марью в вечной мерзлоте,
Прогретой раскаленными камнями.
Старатели и горемыки те,
Чья жизнь проходит в задымленной яме.
Кочевники идут из пади в падь;
Не избы строят, не дома — зимовья.
Тепла дожждаться, перезимовать,
И вновь куда-то — в устья и верховья —
На Чульмакан, Ганам, на Баянту,
Где те же мари, бурелом и скалы,
Где, может быть, когда-то на лету
Свое перо жар-птица потеряла.
— На край земли зашли, на Неричи,—
Вздыхал отец,— мы как на дне колодца:
Упал в него — и день и два кричи —
Никто в тайге на крик не отзовется.

Ни одногодков-сверстников, ни книг,
Товарищ в играх — щен смешной и милый.
Ребяческой души моей родник
Тогда впервые горе замутило.
Но с горем рядом я не видел зла,
Никем из взрослых в детстве не обижен.
Ко мне еще минута не пришла,
Когда кричать я буду: «Ненавижу!»,
Впервые униженьем обожжен,
Нещадным, непосильным для ребенка.
...Был Кутька-щен, был из жердей загон,
Открытый для пурги со всех сторон,
В нем оленюха жили с олененком.
Мать с малышом: Белянка и Орон.

Орон — забава и молочный брат,
Родившийся в февральский снегопад,
Любитель соли и ржаного хлеба.
Он, как и я, семь лет тому назад
Увидел марь и северное небо.
В апреле тесен стал ему загон.
Орона властно потянуло к воле.
Впервые стал людей дичиться он,
Не трогал хлеб, не прикасался к соли.
Загон раскрыли, и Орон стремглав
В тайгу помчался по весенним лужам.
— Телок-телком,— смеялась мать,— а нрав
У олененка твоего не хуже.
Ты — сорванец: шапчонку набекрень
И — шась с крыльца; сам леший не догонит!
...Пройдет два года, и настанет день,
Когда я буду, как Орон, в загоне.

Но не в тайге! Сибирский городок
На пыльной до удушья равнине,
И — двухоконный, низкий флигелек,
И двор, пропахший высохшей полынью.
За огородом старый сеновал
И первый в жизни для меня подсолнух.
Но как же я поник, затосковал
Не по-ребячьи в девять лет неполных!
...На Неричах все лучше, все не так —
Нет никаких запретов и отказов.
А здесь «нельзя» почти на каждый шаг!
Не принимал ребяческий мой разум
Бесчисленных, пусть маленьких, обид,
Но для ребенка горестных до плача.
Не для меня мороженщик кричит:
«На две копейки! И — копейка сдачи».

Сад городской решеткой окружен —
Чугунная, вся в остриях трехгранных —
Пятак за вход. Почти что миллион!
А у меня нет даже и кармана.
У магазинов яркие цветы.
Но и они в решетках с остриями.
И то и дело слышится: «Эй, ты!
Куда полез?!»
Как будто за дверями
Стоят и ждут весь день-деньской меня —
Надрать мне уши, обозвать «чумазым».
Того, что мы кому-то — неровня,
Не принимал ребяческий мой разум.

Я — гимназист, я принят в первый класс.
Безмерно горд фуражкой и шинелью.
Не самый сильный в классе, но горазд
На кулаки, уж коль меня задели.
Мать говорит: «Саящных не бей:
Отец — богач!» Я отвечаю маме:
— Они у нас украли голубей!
— Стерпи, сынок! Бог с ними, с голубями!
(Висит, как меч над мамой: «исключат!»)
— Нет! Буду бить, — твержу я в исступленье
(Насуплен лоб, и кулачишко сжат),
— Сынок, родной! Я стану на колени!
Перетерпи! Нас пожалей с отцом!
Перетерпи! — И клонится все ниже.
Тогда, ребенок, с посиневшим ртом,
Я закричал:
— Стерплю! Но — ненавижу!
Я убежал на старый сеновал
И лег ничком на пересохшем сене.
Так я впервые

На колени стал,
Не зная, что поставлен на колени.

Царапины!

Что вспоминать о них?!

Но не от них ли проблески прозренья,
Познания жизни?

Вскоре я постиг:

Есть злее враг. И у него есть штык,

Чтобы меня поставить на колени.

...Он протянул мне пачку сигарет

И в станиоли дольку шоколада.

Он подарил открытку мне — портрет —

И прошипел почтительно: «Микадо!»

В дугу согнулся. (Он меня поймал

На берегу вблизи запретной зоны,

Где монитор на якоре стоял

С японским флагом, изжелта-зеленый).

— Я очень добрый! Я детей люблю!

Но буква «эл» все в «эр» переходила.

И получалось чуть ли не «рублю»,

Что ж! У него, наверно, так и было!

Он спохватился:

— Трудные слова!

И внес поправку:

— Я детей жалею!

Стою, ладони спрятав в рукава,

Соображаю: как сбежать скорее?

— Ты, может быть, не любишь шоколад?

Не отвечаешь? Очень некрасиво:

Молчишь, когда с тобою говорят!

Ты, русский мальчик,

Не забыл Цусиму?

Не забывай!

...Он мне хотел сказать,
Что пытки будут, шомпола и пули.
Не забывай?!
Он может все отнять:
Гольцы и марь, березовую падь
И на скале сиреневый багульник.
...Я понял все, что мне хотел сказать
Он, Кавасима или Иосуда.
...Тайгу отдать?
Сибирь ему отдать?
Но как тогда
Я жить на свете буду?!

Ты это все как хочешь назови:
Рассказ о детстве иль воспоминанья.
А я ищу исток моей любви
К багульнику и мягким мхам в урмане.

П о л ы н ь

Еще был конь. Отец его тайком,
Пока я спал, выстругивал ночами.
— Скачи, сынок! А не броди пешком,
Как я всю жизнь с котомкой за плечами.
...Отец не знал, что мне в шестнадцать лет
Шурфы копать придется на Алдане,
А в восемнадцать — уходить в секрет,
В тайгу с семьёю патронами в нагане.
(Золотоскупщиков ловили, нэпачей:
В засадах мерзли до тяжелой дрожи).
...Казалось в детстве: лучше Неричей
На всей земле быгь ничего не может.

...Не знавший яркой южной красоты,
Подчас усталой от глухого зноя,
Я полюбил таежные хребты
И дерзкие отчаянно цветы,
Посмевшие расти над мерзлотою,
Их тонкие, как нити, стебельки,
Их крохотные розовые чаши.

Тоскливые? Но я не знал тоски!
Усталые? Но не был я уставшим!
Отец сказал:

— Не марь она, а хмарь!

Вздыхала мать:

— Слезинки — не цветочки.

А я, ребенок, видел, как глухарь
Клевал морошку спелую на кочке.
Я подсмотрел веселую игру
Зайчат пушистых в тальнике зеленом,
И в сентябре к брусничному ковру
Бежал по мари с Кутькой несмышленным
(Свистят, взлетают рядом кулики —
Мне марь казалась радостным раздольем).

...И, может быть, в природе нет тоски,
И слышим мы лишь отзвук нашей боли.
Нет гнева в громе, злобы — у зимы,
И не грустит сосновый бор под осень.
И грусть, и гнев, и нашу радость мы
На то, что рядом с нами, переносим.

Читает память давние листки,
Ведет по жизни в самое начало.
Я в новый день пришел из той тоски,
Какой Сибирь от века тосковала.
И, может быть, лежит она на мне
До этих пор, как шрам от давней раны.

..Я вижу лед, настывший на окне,
И слышу свист февральского бурана.
Отец устал и под тулупом лег.
Мать днем ткала половики на кроснах.
Темно в избе. Чуть тлеет фитилек,
Пропитанный «святым» лампадным маслом.
Мать говорит:

— Великий это грех!
Но не осталось капли керосина.
Я отмолю!

Она за нас, за всех,
Тогда молила «бога, духа, сына».
Но чаще умоляла божью мать,
По-матерински верила ей свято.
Должна услышать и должна понять:
Сама растила малыша когда-то!

Вот где тоска! Не в кочках, не во мхах!
Весной чащобы все в набухших почках
И тает лед, и в падах и в логах,
В ручьях таежных кипятком клокочет.
..Ручей, как рысь, взъерошенный и злой
На зимнее надсадное терпенье.
Под пихтой камень весь облит смолой.
И ярость неумная оленей,
Сцепившихся рогами между скал,
На талых мхах, на взрытой всей поляне.
..Чуть не сказал: «Весна в тайге — как шквал».
Нет! Здесь весна похожа на восстание!

Весна — бунтарь.

А человек-бунтарь

Еще в плену — холодной, дымной яме.

...Грохочет наледь, оглушая марь.
Взорвался лед. И потекла ручьями
По снегу разъяренная вода,
Прорвавшая свой панцирь двухметровый.
В избе — полынь!
Ходячая беда —
Больной бродяга. Гость для нас не новый.
Особенный! Он сам собой забыт.
Беспаспортный, Непомнящих Василий.
— Не помню я, — ответит и молчит.
— Не помню я, — о чем бы ни спросили.
Иль усхмехнется:
— Не был я рожден!
Какая мать могла родить такого?
Назвался Васькой. Может быть, Семен
Или Никита! И смолкает снова.
...Но как он лгал, Василий (иль Семен):
Не позабыл он хату на Рязани,
Разлив Оки, зеленый луг и клен,
И мать свою с ослепшими глазами.
Он шел в Рязань.
Был пойман в Барабе.
Сбежал с этапа. Пойман был в Усть-Куте.
Опять сбежал.
...Всю правду о себе
Расскажет он, доверившись минуте.
Был бунт в селе. Взял на себя ответ
За дым и пепел княжеской усадьбы.
«Тайга меня спасает двадцать лет.
Спасибо ей! Россию повидать бы!
Но не дойти мне до рязанских мест».
...Ушел от нас.
Нашли замерзшим вскоре.
Похоронили. Безымянный крест
Встал в Неричах на каменистом взгорье,

Березками кривыми окружен.

...Но было ль это?!

Было, если слышу:

«Назвался Васькой! Может быть,— Семен».

Был человек, все о себе забывший!

Реквием

Народное волнение разлилось по всей империи; шесть месяцев спустя после очищения Москвы появились на азиатской границе толпы вооруженных людей, прибывших из глубины Сибири на защиту столицы.

А. Герцен («Былое и думы»)

Где я не видел старые кресты

И не стоял, как правнук, перед ними?

...«Степан Кравцов» и «Тимофей Толстых»

Два холмика на Зее и Витиме.

Степан Кравцов сегодня слышит жизнь.

Встает плотина, и на Зее вскоре

Увидит он, как чайки поднялись

И катера идут от пирса в море.

Кем был при жизни он, Степан Кравцов,

В таежный край пришедший издали?

Льняные кудри из кольца в кольцо,

Бурлацкие натруженные плечи.

...Песок горячий. Лямка плечи жжет.

И кажется железной ржавой цепью.

И шаг вперед. И шаг еще вперед.

Что было в детстве у Степана? Степи?

А может быть, дремучий брянский бор?

Валдай, где дремлет в лопухах криница?

Что нес в тайгу он? Плотницкий топор?
Горсть ячменя и горсточку пшеницы?
А может быть, в тайгу он гусли нес,
Мечтатель, правнук вещего Баяна?
...Высокий крест. Внизу холодный плес
И тишина и глухомань урмана.

Кем был при жизни Тимофей Толстых,
Нашедший смерть свою у переката?
Растил коней для троек огневых?
Вниз по Оке водил плоты когда-то?
(Но не купец! И не царю — слуга.
Их редко хоронили в глухомани.
Везли домой!) Не говорит тайга —
Кто на Витиме умер в балагане.
Был человек Толстых! Не душегуб,
Есть на кресте, вся темная, икона.
Есть невдали в труху истлевший сруб
И серых пней десятка два по склону.
Так кем же был он, Тимофей Толстых?
Спроси у пихт, узнай у переката!
...И сколько раз я у крестов немых,
Стоял, не зная, — не лежат ли в них
Отчизны беззаветные солдаты?
Разведчики! Их в путь послал народ —
К степям Алтая, к скалам на Курилах.
Была в них сила на орлиный взлет,
Но синей выси жизнь им не открывала!
Ни мудрых сказок, ни былин о них
Не сберегли ни степи и ни горы.
Я — вновь в избе. Примолк в углу, притих,
Прислушиваюсь дремно к разговору.
...На Неричах среди прочих бедолаг
Старатель был Кондрат Петрович Пратов.

— Моя фамилья пишется не так,—
Он говорил,— я от рожденья Платов.
Но селегинский пристав, басурман,
Фамилию и паспорт искорежил.
— Герой,— кричит,— был Платов-атаман!
Тебе, босяк, быть Платовым не гоже!
Ты,— говорит,— байкальский бурундук!
Одно отличие то, что бородатый.
Ты, говорит, донских смутьянов внук!
(Знал, что донскими были мы когда-то),
А дома дед обиделся! Орет:
— Ты мне не внук! Ты оборвал свой корень!
Потом притих:
— Раскрой попробуй рот —
Он, этот пристав, всех нас перепорет!
Дед на веку немало испытал!
Когда с Наполеоном воевали,
Прошел мой дед с Байкала на Урал,
Потом прошел с Урала в Забайкалье.
Не по указу царскому, а сам,
К Москве пошел, с ружьем своим кремневым.
По всем степям сибирским и лесам!
В Чите был бит.
В Иркутске бит был снова.
(И там и здесь за беглого сочли);
Семь шкур сдерут плетями и отпустят!
А что французы из Москвы ушли,
Уже зимой узнал он в Златоусте.
Шел защищать Москву и опоздал!
— Не повезло,— Кондрат заметил хмуро,—
Мы — на врага:
С Байкала — на Урал;
За Русь стоять!
А с нас снимают шкуру!
...Я ничего тогда не понимал...

...Коптит свеча. Все сгорбились угрюмо,

Какой-то дед... Наполеон... Урал...

И — дрема, дрема.

...Но в «Былом и думах»,

Лет через тридцать, встретил три строки.

И вспомнил все — сидят в табачном дыме,

Склонив понуро плечи, старики.

Окно и двери в изморози зимней.

Трещат в печурке мерзлые дрова.

И память оживила и связала

Сквозь дрему еле слышные слова.

«Прошел он, дед, с Байкала до Урала

Не по указу царскому, а сам

По всем степям сибирским и лесам».

Так это же былина зазвучала!

...Три полных скорбной гордости строки

Как реквием!

...Сибирские полки!

Откуда им, отважным, взяться было,

Когда б Сибирь, всем золам вопреки,

В себе века отвагу не копила!

Прорыв

Якутские полярные «столбы»*.

Мне виделся в их трепетном сиянье

Глубокий символ вековой борьбы

Свободолюбив в хвойном океане...

Свет сердца тех, кто сослан был в тайгу,

В даль, в бездорожье, как в глухие стены.

---

*Так в Якутии называют северное сияние.

..Покровское — село на берегу
Небыстрой здесь, нахмуревшейся Лены.
В ту пору шел двадцатый год.
В селе все внешне давним оставалось.
Какой-то безысходности налет.
Заброшенность. Покорная усталость.
Мне вспомнился невольно Левитан
С его печалью вечного покоя.
Погост. Церквушка.
По утрам туман
Разреженный и серый над рекою.
...Мне думалось: здесь, в ссылке, жил Серго..
Тюрьма? В ней можно постучать соседу
В нелегкий час...
Там где-то без него
Идет борьба за близкую победу.
Стремительный
Гор снежноглавых сын,
Как должен был в Покровском он томиться?!
Глушь. Тишина.
Нет грохота лавин
И крыльев разметнувшихся орлицы,
Но старожилы говорят: «Помог!
Лечил больных. Охотнику курок
Он на ружьишке стареньком наладил»
«Веселый был». «Жить без людей не мог».
«Жил вместе с нами,
В наше сердце глядя».
«Всегда найдет хороший разговор»
И вспоминали, как просил, бывало:
«Ты разжигай, дагор*, такой костер,
Чтоб над тайгой все небо полыхало!»

---

* Дагор — по-якутски друг.

Недолго ждать осталось! Разожжем!
Найдем, дагор, и порох и огниво!

Корабль Сибири в рейд пошел при нем.
Он — командарм сибирского прорыва.
Плацдарм — Кузбасс,
Кузнецкий «пяточок».
В полках и в ротах бедняки Алтая,
И с первых дней влилась в них, как поток,
Окрестная «тайга, вся золотая».

Рубли? Старатель деньги не берег;
Разбрасывал налево и направо.
Быть может, так он защищал как мог
Свое судьбой отобранное право
На равенство с другими, на почет.
Идет навстречу, лебезит купчина:
Иван Иваныч! Дорогсй! — И вот —
На опояску шелку семь аршинов!
Бабенкам — ленты! Мелюзге — конфет!
Часы с цепочкой! Шляпу и сардины!
Неделя — пир!

И все: копейки нет!

И вновь в тайгу, как к матери, с повинной
И не «Иван Иваныч», не «Иван»,
А «шантрапа!» Опять в тайгу — за фартом!
К дождям — снегам.
В распадок, в балаган!
«Судьба нас черту проиграла в карты!»

На Кузнецкстрое копача не тронь.
Других не ниже, а нередко выше:

«Продай онучи и купи гармонь!»
Таких издевок он уже не слышит.
А коль услышит, тотчас сдачи даст.
Весь распрямленный и счастливо-гордый,
Поет, как песню:

«Мы — рабочий класс!»

И прихвастнет:

«За нами — все рекорды!»

Впервые в нем отвага и задор,
И радость побеждающей атаки.
...Сейчас я слышу раскаленный спор
В Кузнецком непротопленном бараке.
Две стороны: старатель и кулак,
Под бедняка запряганный в заплаты,
— Какая жизнь?! Да рази жили так
У нас в сибирских деревнях когда-то?!
Паши — сколь хочешь. Разводи скота
Хоть сто голов. Немеряное сено!
За пазухой здесь жили у Христа!
Зимой — охота! Это непременно!
— Ты, бородач, хотя и крепко спишь,
Зато во сне рассказываешь громко:
Вчера во сне подсчитывал барыш,
Позавчера кричал: «Аршин подай, Еремка!»
— А, мало что привидится во сне!
И врешь ты все! Меня здесь обманули!
Прямых полсотни причиталось мне,
А дали тридцать! И в придачу дулю!
— За грош повесься!
— Удавляйся сам!
— Мне удавляться? Хочешь шиш на маке?!
И началось! К двенадцати часам
Никто не спит во вздыбленном бараке.
Распалены. Речь тяжела, груба.
Больной поднялся, не стерпев на нарах,

Кричит в жару:

— Теперь моя судьба!

Встань предо мной, свечной ты перегарок!

Был я копач. Здесь человеком стал!

Да я своей не пожалею жизни!

Гляди — часы! Вручал и руку жал

Мне, копачу, Серго Орджоникидзе.

За плечи обнял. Сел рядом. Усы

Рукой свои чернущие разгладил.

И говорит мне: «Береги часы!

А строить надо, на часы не глядя!»

Жизнь иногда случайно повторит

Далекое. Не точно, а похоже.

У коновязи, у пустых корыт,

Стоим мы двое. Просто — два прохожих,

Он — в макинтоше.

Я решил: «Варяг,

Из Алабамы или Сан-Франциско,

Здесь добывает золото без драг

И без шурфов». Стоим довольно близко,

Не вижу в нем ни радости, ни зла.

Но как-то мне неловко и обидно,

Как будто я сегодня из стекла

И потому меня ему не видно.

Под горкой громыхает «Марион»,*

Из котлована выгружает глину.

И машинист, как видно, не силен —

Из двух ковшей один — за борт машины!

Но я, былой, потомственный копач,

Огрехов тех не замечал вначале:

Вот это здорово! Каков силач!

---

* «Марион» — экскаватор.

Две тачки в ковш не захватил едва ли!
К нам на Алдан побольше бы таких!
...Здесь мой сосед шагнул от коновязи

И с побелевших губ его кривых
Слетело пеной:

«Лапотники! Азия!»

И, наконец, с трудом признав во мне
Существ разумных некие зачатки,
Он мне сказал: «Ивану на коне
Работать надо! На плохой лошадке!»
И вспомнил я, как некогда знаток
Для недругов нележкой нашей речи,
Меня «любил», затем орал: «щенок»!—
И я соседа отослал далече.
Шагнул ко мне, в пружину сжатый весь,
Но повернулся и пошел в коттеджи,—
Куда девалась злость его и спесь!
А я увидел все не так, как прежде.

То здесь, то там на древке красный флаг —
Над котлованом, на кирпичных стенах.
Из глины выбираясь кое-как
Ползут машины. На лесах мартена,
Где днем и ночью трудный штурм идет,
Не затихает резкий клеткот клепки,
Как будто поливает пулемет
Цепь колчаковцев, рвущуюся к сопке.
Внизу — в колючей проволоке склад.
И в островерхом шлеме и в шинели
Идет прораб по стройке, как комбат.
Не фронт ли здесь сейчас на самом деле?

Что чувствовал, как счастлив был солдат,
Когда в тылу остался Сталинград
За изморозью зимней над равниной?
Быть может, был не меньше горд и рад,
Чем в день, когда он подошел к Берлину?
Что чувствовали мы, сибиряки,
Когда, искрясь апрельской ночью темной,
Истоком огнедышащей реки
Пошел чугуn из летки первой домны?!
Прорвали фронт и вышли на простор,
Окрепшие, обученные бою!
Что чувствовал прокопьевский шахтер,
Когда повел электровоз к забою,
А не слепца — понурого коня,
Как некогда на копях Михельсона?
Родился снова! Не было меня,
Анжерского мальчишки-коногона!

Сейчас уже не обнимает взгляд
Всей глубины и всех фронтов прорыва.
Напор моторизованных бригад
От Камы до Берингова пролива.
На синеве форсированных рек
Лежат не сплотки зыбкого понтона,
А все в огнях, уложены на век
Громадины — плотины из бетона.
И через мари, через бурелом,
Звериные пересекая тропы,
Стальные трубы с голубым огнем
Пошли в тысячелетнюю Европу.

Я, сибиряк, гордился и горжусь
Пророчеством великого помора,
Что «прирастать Сибирью будет Русь».

И я сейчас подумать не боюсь:
«Не только Русь!»

...Домой вернется скоро

Второй мой друг. Один из кузнечан,
Из тех, что домны строили в Бхилаи
И привыкали к солнечным лучам
Уж в очень дальнем от Сибири крае.
Он мне писал: «Индийский инженер
Вчера сказал: «Сибирь — для нас пример.
Не все ль равно: снега и льды на Лене
Или пустыня наша и пески?
Сибирь для нас — пример преодоленья!»
...Где вас сегодня нет, сибиряки?!
Иран и Куба. Сомали и Гана.
Сыны и внуки тех, кому дала
В удел судьба тропу и балаганы.
Какой маяк сейчас Сибирь зажгла!
Как небо над тайгой заполыхало!
В бурунах белых новые моря
И ждут свой час клокочущие в скалах
Другие тридцать три богатыря.
Кеть, Васюган, Алдан, Ганам и Мая.
Второй Буслаев Васька — Олонгро.
На берегах его когда-то в мае
Твое, жар-птица, я искал перо!

Зачем таиться? Не хочу стареть!
Но, что поделать, если непреложно!
О, тройка-птица!
Не тебе ль лететь
По первопутку, по хребтам таежным!
Не может быть, чтоб возле Неричей,
Был только лед
Иль серый мох олений!

А вдруг руда для доменных печей
Магнитки новой на могучей Лене?
А, может быть, в гольцах укрылась медь?
Для труб о счастье, а не для набата?!
Мне только б краем глаза поглядеть
На ту Сибирь, какой ей быть когда-то!

Сирень

В Сибири не был Муромец Илья.
Добрыня не жил на ее просторах.
И по всему сибирская земля —
Земля для трудолюбца Святогора.
Земля труда! Похвал ей не ищу.
И слово сердца в стих приходит сразу.
И если жив я, если я дышу
И жил не зря, я этим ей обязан!
...Саянский кряж. Степная Бараба.
Родное сердцу степняка и горца!
Нелегкий край! Но если жизнь — борьба,
И если в ней — ни шагу без упорства,
Но если смелым высота нужна,
И сильный ищет, развернуться где бы,
Тогда — Сибирь: хребты и целина
И не видать конца и края небу!
Уже один земляк наш, сибиряк,
Веселый, смелый, в свете самый первый
Прошелся там, где вскоре ляжет шлях
От Байконуров новых до Венеры.
Так: от тропы —
На дальний неба край.
От омулевой бочки — к звездолету!
Иди в Сибирь! И строй и выбирай
Свой Байконур для будущего взлета.

Сейчас, когда я подвожу итог
Удачам всем своим и неудачам,
Всего превыше для меня росток,
Которому подняться я помог:
То новое, что я в Сибири начал.
Не я один. Но говорит солдат:
«Я брал Потсдам. Освобождал Варшаву».
И если он со связками гранат
Шел на прорыв, он говорит по праву.
Не знаю я, во что они вошли,
Часы и дни, секунды и минуты?
В мост через Обь?
В морские корабли,
Идущие к Хайфону и в Калькутту?
И, может быть,
Что золотой песок,
Намытый мной из мерзлоты Алдана,
Последним рельсом на Турксибе лег,
Прорезавшим пустынные барханы.
Иль, может быть, вся жизнь моя вплелась
Тончайшей нитью, чуть заметной прядью,
В чеканный шаг, уверенность и стать
Полков и рот, идущих на параде?
Но повторяю, что, подводя итог
Удачам всем своим и неудачам,
Как счастье вижу новый тот росток,
Которому подняться я помог,
То новое, что создал я и начал!

Бессрочный отпуск. Не вернется день
Донельзя расходившейся планерки.
Он не придет! Сажаю я сирень
У подтаежной хаты на пригорке.
Хочу еще посеять алый мак.

И, непременно,— нужен гладиолус —
Его и видел только сибиряк
В саду купца, единственном на волость.
Но было много горькой лебеды.
Свой сад имелся в городишке всяком.
«Вход запрещен солдатам и собакам» —
Такой таблички не видал ли ты,
Висящей на решетке с острями?

...Как мы расправились в Сибири с пустырями!
Какие поднялись у нас цветы!
Как много их, застенчивых и ярких!
Какие посадили мы сады
Сибирские! От Омска до Игарки.

Я рад тому, что тысячи южан
Сейчас к Сибири сердцем прикипели
И полюбили хвойный океан,
Родной мне веткой каждой с колыбели.
И вижу я и слышу, вряд ли так,
Как новоселы видят все и слышат.
Идет турист с Кавказа на Мустаг,
Рижанин едет в отпуск в Прииртышье,
И белорус тропинкой между них,
Идет по . . . . В руках у гостя туес.
Привычное сегодня для других,
А я все не привыкну, все волнуюсь.
Я рад тому, что тысячи ребят,
Из Ленинграда, Киева, Рязани,
На жизнь смотреть не из окна хотят
Дремотно-равнодушными глазами,
А в восемнадцать—девятнадцать лет,

Поверив в нерастраченные силы,
На Ангару пошли и на Тайшет,
И с ураганом бьются на Курилах.

Вот это юность!

Честь ей отдаю!

Я — сын неизвестной неричинской мари,
Им, повторившим молодость мою,
Продолжившим ее, всем сердцем благодарен!

* * *

В счастливый путь, друзья-сибиряки —
Из Приднепровья, с берегов Оки!
За Ангару, за корпуса Запсиба,
За ту Сибирь, какой ей быть, — спасибо!

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Г л е б о в а Строитель и поэт 5

«ВСТУПАЮТ В ЖИЗНЬ ГОРИСТЫЕ КРАЯ...»

«Шагаю травами густыми...»	10
Июль	11
Неляна	13
Гечка Анна	15
«Вступают в жизнь гористые края...»	17
В лесосеке	18
«Люблю костры с полынным дымом...»	21
«Наделяю нашим, человечьим...»	22
«У меня появились соседи...»	23
«Подтаежный поселок Скаты...»	25
Три загадки	23
Аил	31
«Рябки, пустячные пичуги...»	32
«Паром увидишь — вспомнится понтон...»	33
«Смотри, выдумывать не надо...»	35
Подтаежная осень	36

«СЕНТЯБРЬСКИЙ ОБЛЕТАЮЩИЙ ОГОНЬ...»

«Как не способен ты на зависть...»	38
«Я нашел в лесу подкову...»	39
Живое слово	40
«Сентябрьский облетающий огонь...»	41
«Ты говоришь: «Я встрече рада!..»	42
«Если мне когда-нибудь заменят...»	43
«Не хочу я того, чтобы ты присмирела...»	44
«Несвязный говор собственной души...»	45
Подруги	46
«Нелегкий час преодоления...»	47
«В гнездах неподвижны аистихи...»	48
«Легко включить, когда стемнеет, свет...»	49
«Кто зовет в тайге: «Ау?...»	50
«Не торопись!...»	51

«Самопортретов не пересчитать...»	52
«Когда-то вития бедовый...»	53
Зарница	55
Продолжатели	56
«Не упрекаю молодых: «Забыли?!»	57

«ПОКА НЕ ГРЯНУТ ТРУБЫ»

Таежный клуб	60
Уля	64
Костер	66
Горнисты	73

ПОЭМЫ

Мать Анна	30
Преодоление (главы из поэмы)	87

Пинаев А. Е.

П-32 Неляна. Стихи и поэмы. Художник
Г. Ефремов.
Кемеровское книжное издательство,
1973

112 стр., 10000 экз., 41 коп.

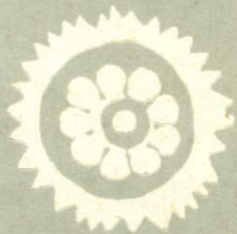
Один из старейших поэтов Кузбасса, автор трех книг стихов, Александр Пинаев обращает свое горячее поэтическое слово к молодым строителям коммунистического будущего, как бы передавая в руки юности боевую и трудовую эстафету старшего поколения. В сборник включены лучшие стихи и поэмы автора.

0742 18
————— 27—73
M145 (03) — 73

P2

Цена 41 коп.

Кемерово 1973